

АЛЕКСАНДР
ЧУМИКОВ

НЕПАЛ

---

*Винтажный
роман*

Размышления странника

Александр Чумиков

Непал. Винтажный роман

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Чумиков А. Н.

Непал. Винтажный роман / А. Н. Чумиков — «Издательство АСТ», 2021 — (Размышления странника)

ISBN 978-5-17-137734-2

Перед нами Европа и Азия. Короли и магараджи. Коммунисты и маоисты. Небесные и земные боги. Герои и монстры. Горы и равнины. Война и революция. Охота и расстрел. Любовь и ненависть. Звёздная жизнь и нелепая смерть людей, о которых знает весь мир. С середины XX века до наших дней. Всё тесно слилось в одном реальном и мистическом пространстве по имени Непал. Александр Чумиков — журналист и писатель, академический учёный и университетский профессор, альпинист и путешественник. Доктор политических наук, автор 40 учебников, учебных пособий, монографий по тематике PR, медиа, антикризисных коммуникаций. Генеральный директор Международного пресс-клуба. Лауреат премии Союза журналистов России и Национальной литературной премии «Серебряное перо Руси». В художественно-документальной прозе дебютировал в 2008 г. с мемуарной книгой «Записки PRофессионала». В 2020 г. опубликовал трилогию «Москва-400. Кам-са-мол! 90-е». В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-17-137734-2

© Чумиков А. Н., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Часть I	8
Пролог	8
Глава I	14
Глава II	23
Глава III	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Чумиков

Непал. Винтажный роман

В языке эскимосов есть примерно сто различных слов, означающих снег. Это языковое богатство позволяет максимально точно описать малейшие различия в снежном покрове. В современном русском языке у слова «успех» пока что маловато синонимов – успеха добиваются немногие. Но если ты как герои новой книги Александра Чумикова достиг горной вершины, значит, ты – очень успешный человек, умеющий принимать правильные решения.

Книга Александра Чумикова, писателя и учёного, – это путешествие не только к горным вершинам, но в глубь недавней и всё ещё волнующей нас истории.

Есть тайны, известные немногим. Есть судьбы, о которых не любят вспоминать. Но описанная автором реальная история, полная драм и трагедий, всё равно волнует. Хочется узнать, как всё это было на самом деле, что же с нами произошло? И почему?

Авторская интонация ожидания и жадного интереса к миру свидетельствует о том, что вы держите в руках книжку, которую не выпустишь из рук, пока не дочитаешь.

Леонид Млечин,

советский и российский журналист, международный обозреватель, телеведущий, лауреат телевизионной премии «ТЭФИ», член Союза писателей СССР, заслуженный работник культуры Российской Федерации

Опускаю ладонь на эту книгу и знаю: она правдива, написана с юмором, хлёстким журналистским словом, с точными интересными деталями. И никакого чуда здесь нет! Я давно знаю автора. И тем более хочется открыть для себя «Непал». Читаю и нахожу подтверждение своим ожиданиям. Но книга полнее. Всё провяно: приключения, преодоление, интересные и известные люди, весёлые и грустные истории, стойкость и дружба, которая рождается только в настоящих испытаниях.

Егор Серов,

главный редактор радио «Книга», ведущий книжной рубрики на телеканале «Россия 1», член Правления Российского книжного союза

Часть I Jai Mahakali, aayoo gurkhali!¹

Пролог 6100

«...»В одной знакомой улице я помню старый дом...» Что ещё помню? Помню, как весной провожал её на Курском вокзале, как мы спешили по платформе с её ивовой корзиной и свёртком красного одеяла в ремнях, бежали вдоль длинного поезда, уже готового к отходу, заглядывали в переполненные народом зелёные вагоны... Помню, как наконец она взобралась в сенцы одного из них, и мы говорили, прощались и целовали друг другу руки, как я обещал ей приехать через две недели в Серпухов... Больше ничего не помню. Ничего больше и не было...»²

---

¹ Слава великой Кали, гурки идут! – боевой клич гурков.

² И. Бунин, «В одной знакомой улице» (сборник рассказов «Тёмные аллеи», АСТ).

Что за чёрт? Что это, кто это? Зачем? Да-да, понимаю, Иван Бунин, что-то из «Тёмных аллей». Мне когда-то нравились эти обволакивающие рассказы, а некоторые миниатюры я даже учил наизусть. Но при чём тут Бунин? Сейчас. В Непале. На Южной Аннапурне. На высоте шесть тысяч сто метров. Это сон? Однако заснуть, полусидя на льду, на крошечной площадке, невозможно. Ноги сначала мёрзли, а теперь ничего не чувствуют. И кажется, что стало тепло. И накатывает дрёма. Говорят, так и замерзают насмерть. А тут Бунин, у которого про горы и высоты что-то не припомню. Но замерзать под Бунина лучше, чем под какие-нибудь кошмары. Хотя и странно.

Да и вообще у него много странного: почему Иван Алексеич писал это в 1944 году, вспоминая в разгар большой войны события тридцати-сорокалетней давности? А с другой стороны, что такого? Запомнил – и вспоминал. Все вспоминают. Особенно молодость – на старости лет.

Но герою воспоминания точно было тепло. А чего ж холодно! Герой – а, вот, вспомнил, рассказ называется «В одной знакомой улице» – приходил летом к девушке. Они ели сыр, пили вино, а потом – сейчас мне это кажется самым важным – залезали под одеяло. Скоро им и без одеяла становилось жарко. Но я, конечно, не об этом: теперь не до хорошего. Представляю совсем иное. Как в другом походе, в палатке, спал с девушкой. Снаружи был страх, чёрт, ужас, и мы просто обнимались – для тепла, ничего такого. В тесноте, в одном спальном мешке. Или попросторнее, в двух состёгнутых спальнях мешках, но уже втроём: девушка посередине, а мы с приятелем по краям. Но это был туризм, а сейчас совсем не туризм. И палатка есть, но, собираясь на ночлег, мы её просто повесили на ледобуры, чтобы можно было сесть или прилечь не прямо на лёд, а как-то прикрываясь матерчатым домиком.

Что нужно делать, когда никак не уснуть? Можно считать. Ну и как долго будешь считать? Я досчитал до тысячи, и жутко надоело. Потому что, если ждать ещё часа три-четыре до подъёма, это ж сколько тысяч надо перелистать? А-а-а. Лениво, холодно, неинтересно. Лучше продолжу вспоминать – и снова что-нибудь литературное. Вот Бунин неплохо вписался в бред. Минут тридцать занял.

А потом вспомнилась песня, герой которой ловил у «Звёздного» такси и в сотый раз опаздывал на Рижский вокзал...

Отлично! Пусть и не Бунин, не классическая литература, а шлягер Вити Третьякова. Что между ними общего? Ничего общего нет. Впрочем, есть: память. Тот вспоминает и этот вспоминает, потому что память дана не только нобелевским лауреатам. Вокзал часто вспоминают. Наверное, потому, что уезжают часто именно с вокзала, так что ничего странного. У одного Курский вокзал, у другого Рижский... У меня недавно, при вылете в Непал, был аэровокзал Шереметьево-2, в тот год почти все международные рейсы вылетали оттуда...

Луна ослепительно блестит. Лёд блестит. Архип Куинджи. «Лунная ночь». Чудесно! Но у него на картине ночь на Днепре, а главное – летняя, тёплая. Ночь для восторга, для любви, а сейчас... Какой антоним у восторга? Ужас, отчаяние? Ну уж не настолько! Так, тоска, подавленность некоторая: пусть бы лунной ночи и совсем не было, нестерпимо хочется скорого расвета.

Опять мысли переключаются на холод. Теперь минус тридцать, а днём станет потеплей. На немножко? Нет-нет, на множко! Это ж горы: солнце выглянет, припечёт, и даже на высоте наступит нирвана. Надо любыми способами пытаться насовсем не замерзнуть. Ладно, вспомним не художественное, а что-нибудь околонуточное: как умные люди рассуждают о борьбе с холодом. Некие сильно грамотные, может, даже медики, писали-говорили, что надо усиленно шевелить пальцами, и тогда кровь к ним прильёт, обморожения не будет. Верно! Но знаете, сколько надо сделать взмахов ногами, чтобы она прилила? Хотя бы по сто, да каждой ногой. А меньше – никаких изменений не происходит: пытаешься двигать конечностями, а нога словно

какая-то деревяшка, и не чувствуешь, что пальцы ожили и активно себя ведут. Они, слава богу, шевелятся, но слишком вяло.

Не к месту возник в памяти старый пронзительный фильм Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм». С чего бы вдруг?! Но если сопоставить с темой холода и нашими антиобледенительными упражнениями, то вполне к месту: в фильме есть документальные кадры о том, как немецких солдат тренируют перед вторжением в Россию. Типа два прихлопа – три притопа, и согреешься в лютые русские морозы даже в тонкой шинелишке и кожаных сапогах. Хрен-наны они согрелись! Под одним Сталинградом многие десятки тысяч поумирали только от мороза, даром что уклонились от снарядов и пуль. А как же: плохо одеты, не кормлены. И это на равнине. На высоте куда хуже.

Правда, в горах с немцами получилось ровно наоборот: когда дивизия «Эдельвейс» пришла на Кавказ в 42-м, она комплектовалась из опытных и хорошо экипированных егерей. Этих солдат, в отличие от «равнинных», одевали по-зимнему тепло. Они закрепились на перевалах, поставили палатки на ровных площадках, с собой занесли бензин и примусы. А помёрзли как раз наши «ваньки», собранные в горы в противоборство егерям из совсем не горных городов и деревень. Пусть и в валенках, и в полушубках – а вершин, перевалов и ледников раньше не видали, опыт обустройства в таких условиях отсутствовал. Внизу русские солдатики рубили лес и разжигали костры. Однако на высоте дров нет. Иные, вот как и я, дремали, бредили, но через силу двигались. А другие засыпали и не просыпались.

Теперь уже и Кавказ иллюзорно кажется не таким крутым, как здешние горы! А что? Вершины Эльбруса, где никто не ночует, – и то «всего» пять шестьсот с хвостиком. Хотя для замерзания этого более чем достаточно. Но тут шесть сто! И ещё не конец восходительного маршрута. Это Непал, детка, это Гималаи.

У нас есть баллоны с газом, есть горелка. Это здорово выручает: если палатку прилично поставить, тогда она прогревается внутри. Однако в нашей «лежачей» палатке такое плохо получается. А вы знаете, что собственное дыхание тоже согревает воздух? Иней на стенках соберётся, а потом и закапает. Но это что – мёртвому припарки. Да, старики-альпинисты рассказывали про снежные пещеры. Например, как рыли их, поднимаясь почти целый месяц на семитысячный пик Победы в Средней Азии. Это не сказки: вот вырыли люди пещеру в минус тридцать, как у нас теперь, забрались в неё, через час глядишь – минус пятнадцать. Примусы зажгли, надышали – ещё десяток градусов долой. Красота! Красота? Вы пробовали? Попробуйте просто посидеть в минус пятнадцать. Попробуйте посидеть – под ветром или даже без него – подольше, хоть в ноль градусов, и вам всё станет понятно.

Вот только здесь не ожидается ни нуля, ни минус пятнадцати: фирн, лёд. Сил хватило лишь на то, чтобы вырубить кайлом – так мы называли ледорубы – «сидячие места». Ага, как в общем вагоне, пожалуй, и поплотнее...

Да, вспоминать лучше не про холод на войне и в горах, лучше про домик, поезд, вагон, кровать или полку с одеялом; лучше – Бунина и Третьякова. Но мозг решительно не хочет зацепиться за писателей и бардов, мозг возвращается к рассуждениям о холоде.

Горелку-то, конечно, зажигали: палатку растянули спинами, сели в кучку, а огонёк поставили в серединку. Покидали лёд в котелок, попили тёплой водички, развели в ней супчик, погрели чуть-чуть руки. И всё, потому что экономим газ.

А потеплее одеться? В специальную одежду? Мы что, не знали? Мы всё прекрасно знали! Поэтому у нас суперботинки, суперперчатки и супермаски на лицах, чтобы ветер сразу не попал в лёгкие и не застуживал их, а проникал потихоньку, через сеточку, пропитанную каким-нибудь ароматным и полезным эвкалиптом. И внизу действительно верилось, что в этот раз «суперское», особенно импортное, снаряжение поможет. В этот раз! Каждый раз думаешь про исключительный «этот раз»! Раньше оно почему-то не помогало, зато теперь... Но позитивно думается обычно внизу, в тепле. А руки и ноги от холода в принципе не спасёшь. И после сред-

него и вполне удачного высотного восхождения в минусовую температуру у тебя чернеют, а потом слезают ногти на ногах, а пальцы рук потом и в городской жизни зудят даже при небольшом холоде. Тело да, тело одежда согревает, но руки-ноги – нет.

Надо крутить-вертеть своими крыльями-конечностями как мельница, но очень не хочется. Почему не хочется? А потому что! Творческое опять вспомнилось – чёрный юмор из песни про танкистов, которым «по танку вдарил болванка». Ощущения стопудово понятные: «А жить так хочется, ребята, но вылезать уж мочи нет».

Делать махи! Махи ногами! Встать и махать! Сердце колотится, чуть не выскакивает, одышка, а ты зажигай! Продолжаешь не чувствовать пальцы? Плохо. Ну, присядь, отдохни – и опять запускай махалку! И песню напевай, альтернативную танкистской – про строителей, про пионеров: «Нет, мы лёгких путей не искали... Спой песню, как бывало, отрядный запева!...» Вместо этого на ум лезет чёрная альпинистская шутка: «Чувствую – обледеневаю...» Вставай давай.

Кровь вроде приливает. Теперь надо заползти обратно в стоящую буквой «зю» палатку, достать из задубевшего рюкзака спальник и засунуть в него ноги, в ботинках, естественно. Сначала кажется, что выстуженный мешок не помогает, но это не так – помогает, сохраняет некоторую часть тепла.

Философское вспомнил! Мой друг Андрей – телевизионщик, путешественник, экстремал (далее в моих рассказах редкие будут не экстремалами...) ходил на оленях из Якутска к полюсу холода, Оймякону, что стоит на богатой вкуснейшей северной рыбой реке Индигирке. Известно, что здесь зафиксирован абсолютный на жилой Земле минимум температуры – около минус 70. Но и температура «обычной» зимой тоже ничего – ближе к минус 50. Так вот: Андрей с коллегой-оператором Мариной в сопровождении группы эвенов-аборигенов шёл к Оймякону на оленьих упряжках, по «свежему воздуху», поход занял десять дней.

Как одевались? В одежду и обувь с мехом, из оленьих шкур, и они не промерзали. Но было другое. Оператора Марину одели так плотно, что однажды по дороге она вывалилась из нарт и не смогла подняться. Барахталась на снегу, пытаюсь встать и выделывая при этом немислимые гимнастические упражнения. Пока заметили, что Марина выпала, проехали с полкилометра. Вернулись, конечно, подняли её на ноги и посадили в нарты. Зато тепло!

Проблемы с холодом у них появились вовсе не на маршруте. Андрей рассказывал, что экспедиция везла на нартах и сложенную в брикет большую палатку, и каркас для неё, и дровяную печку, и даже сами дрова. Когда остановились, проводник-эвен затопил в палатке печку, и наступил «ташкент». Сытые и согретые, московские телевизионщики в одном термобелье удовлетворённо залезли в спальники.

Но потом Андрей проснулся от холода: печка давно потухла, а истопник безмятежно спал прямо на снежном полу. Пытаясь согреться, Андрей и Марина натянули на себя всё что можно и – прямо как я сейчас – стуча зубами дожидались рассвета. И на вторую ночь так, и на третью. Заново разжечь печку, конечно, можно, но это долго и зябко, да и дров ограниченное количество. Вот тогда Андрей и дозрел до философского вывода: здесь надо не искать тепла, а привыкать к холоду... И книжку потом так назвал – «Тепло якутского холода». В книжке он не написал о том, что из тридцати экспедиционных оленей почти половина пали в дороге...

Я не понимаю, как можно привыкнуть к холоду. Но эвены-то привыкли. А с проводниками путешествовали двое маленьких детей-дошкольников. И ничего, «дрожжи не продавали», играли; спали безмятежно, похрапывая и посвистывая.

И опять дрёма, и опять накатило:

И полутёмный незнакомый подъезд,
И полусонный опустевший вокзал —
Ты всё запомнишь в этот зимний отъезд

В Непал, в Непал, в Непал...³

Ну, Олег Митяев вспомнился – это ближе к сегодняшнему дню, чем Бунин. Смешно, но мы с ним в холоде сталкивались, когда вместе ходили на Эльбрус. Вот только это не сравнить ни с Якутией, ни с тем, что сейчас. Да, начинаешь восхождение ночью, в минусовую температуру. Да, тоже мерзнут ноги и руки, однако переждать надо всего несколько часов, а это неприятно, но терпимо – перспектива согревает. Потом, когда подходишь к перемычке между вершинами Эльбруса, через снежный гребень переползает солнце. Оно пока далеко, но зато видно, как лучи всё больше поглощают тень и подбираются ближе и ближе. И вот солнце слепит глаза, и хотя ты продолжаешь «продавать дрожжи», зато абсолютно счастлив, поскольку железно ясно: минут через пять станет тепло. И хотя тут примерно пять тысяч метров, но с приходом солнца ты не просто согреваешься, а начинаешь постепенно раздеваться – жарко. Будто холодной ночи и не было. Всегда так.

Вот ведь интересно – Олег тоже вспоминает вокзал. Речь в песне, впрочем, о Москве. А в другой песне он и Непал вспоминает, потому что побывал здесь. Про непальскую речку поёт: «Плыли мы с тобой по Марсианде». Ну, она Маржанди или Марьянди вообще-то называется, но он так произносит. С планетой Марс, что ли, решил ассоциировать? Речка живописная, и сплав по ней на рафтах классный. Поплывать бы на этих рафтах сейчас; бухнуться, пройдя пороги, в неспешную приятную воду, раскинуть руки и покачиваться – спасилет не даст утонуть...

Как дальше-то будет? Ребята вон тоже мучаются: не сон, не бодрствование, не поймёшь что. Но парни упёртые: один – заслуженный мастер спорта по альпинизму, второй – международного класса, третий – просто мастер. Смешно, да: «просто мастер». Потому что непосвящённому трудно понять. И представить, что «просто мастера» – это уже неземные величины в глаза начинающих альпинистов. Они и вправду не земные, а горные. Они не такое переживали, как говорится. И я вплотную подобрался к великим. Но всё равно не упёртый. Не блаженный. Не герой. Не мастер. Я обычный человек. Хотя попал в такой переплёт не случайно, конечно, и не в первый раз. И наплывает сквозь холод смешной анекдот: «Ну, хуже, чем в этот раз, быть не может», – думает пессимист. «Может-может, в следующий раз будет хуже!» – говорит оптимист. У нас этот «оптимистический» следующий раз наступил.

Скоротать надо время до рассвета и своё чего-нибудь вспомнить. Как у Бунина – то, что, как говорится, предшествовало. И что было после. А разве можно вспомнить то, что было после, а пока не случилось? На первый взгляд, нельзя. Но если «Алису в Зазеркалье» почитать, станет понятно, что можно...

- ...Но ведь завтра ЗАВТРА станет СЕГОДНЯ! – воскликнула Алиса.
- Правильно. Но как только оно станет СЕГОДНЯ, оно перестанет быть ЗАВТРА, – отрезала Королева.
- Я совершенно запуталась, – расстроилась Алиса. – Как вы во всём этом разбираетесь?
- Ничего особенного, – ответила Королева. – Просто мы с тобой живём в РАЗНЫЕ стороны. Ты – туда, а я – обратно.
- У меня в голове от всего этого ужасная путаница! – пожаловалась Алиса.
- Это всё потому, что ЗДЕСЬ тебе приходится жить не туда, а обратно. Поначалу у всех голова идёт кругом, – утешила её Королева.
- Жить обратно! – воскликнула Алиса. – Я не сумею!
- Зато, – продолжала Королева, – всегда помнишь, что будет ПОТОМ.

³ Олег Митяев, «Царица Непала».

– Я помню только то, что было РАНЬШЕ, – сказала Алиса. – Того, что ещё не случилось, помнить невозможно!

– Жалкая память, – пожала плечами Королева. – Помнить то, что уже было, каждый может...⁴

У меня память вовсе не «жалкая». Она хочет верить, что завтра не будет СЕГОДНЯ, что завтра будет ЗАВТРА и гораздо лучше. Но пока снег и лёд. Под луной они оживают: в снегу отчётливо видны мерцающие кристаллы, а лёд, пока темно, хоть и под луной, отликает зловещим серо-чёрным цветом. А впрочем, красиво. Смертельно красиво. Виден гребень, и там, возле гребня, начинает светлеть. Может быть, рассвет этим утром наступит раньше? Неадекватно ситуации улыбаюсь, глядя на пятерых ребят, которые устроились бугорками в покато́й палатке. Изредка они пошевеливаются, а из капюшо́нов выступает такой обнадеживающий парок. Значит, живы.

Я кручу память «обратно» и рисую винтажные картинки прошлого, которое случилось к сегодняшнему дню. И будущего, которое наступит завтра.

---

⁴ Льюис Кэрролл, «Алиса в Зазеркалье» (перевод Л. Яхнина, АСТ).

Глава I

Морис

Можно ли попасть во Францию? Смешной вопрос! А почему же нельзя? Деньжат накопил, шенгенскую визу получил – и езжай. Ну да: отпечатки пальцев попросят сделать, может, даже собеседование во французском посольстве придётся пройти, но всё это мелочи жизни. В принципе без серьёзных сложностей. С маленькой оговоркой: «без особых проблем» – это если речь идёт про *сегодня*.

А если говорить про тридцать-сорок лет назад? Ну, батенька, тогда получится совсем другой разговор. Как изрекает одна моя подружка: «Париж? Сейчас каждый может в Париж. Но не тогда».

Да-а-а... «Увидеть Париж – и умереть». Мне жаль тех, кто умер до того, как познакомился с Парижем. Но одновременно мне жаль и других, тех, чья юбилейная дата заканчивается в текущие годы на «дцать» или даже «ок», а ещё не на «сят». Почему? Потому, что и десять раз побывав во Франции или приравненной к ней стране, они не смогут испытать тех удивительных, острых, порой непредсказуемых ощущений, через которые в свои «дцать» прошли мы в 70-е. Не только в самой Франции. Но и на пути к ней.

Трудности – это тоже острые ощущения. Легко – значит, обыкновенно, а обыкновенного у каждого и своего полно. Иное дело преодоленные трудности, разрешённые проблемы – вот где эксклюзив, счастье, кайф! Поэтому начнём с трудностей и проблем.

Кто же тебя, советского человека, пустит во Францию? Ну, если, конечно, имеются особые заслуги, то другой разговор. О каких заслугах идёт речь? Ну, скажем, ты участвовал во французском Сопротивлении во время Второй мировой, а теперь тебя приглашают боевые друзья. Что, не был, не состоял, не участвовал? Как жаль! Ах, да, мы послевоенного года рождения... Ладно! Можно заслуженного папу или дедушку сопровождать: помогаем, мол, ветеранам и заодно приобщаемся к международному братству! Но мало пап и дедушек с военной французской дружбой в биографии...

Другой вариант. Ты активный член коммунистической партии или комсомолец и за эту активность съездил уже пару раз организованным туристом в страны социалистического лагеря. Минуточку. А сразу во Францию нельзя? Не-е-ет, сразу в «капитализм» не выпускали. Видимо, чтобы человека не хватил «кондратий» от тамошних «ужасных» впечатлений. Ты сначала во-о-он туда, ну, типа «курица не птица – Болгария не заграница». А если хорошо себя вёл, можно рассмотреть вопрос и про Францию.

Третий вариант, когда ты передовой рабочий или колхозник. Тут вообще без проблем: у нас ведь государство рабочих и крестьян. Это у примкнувшей к ним интеллигенции возникают проблемы при выезде, а тружеников цехов и полей мурьжить не станут, да ещё родной завод-колхоз поездку оплатит.

Не исключаются и другие варианты, однако уж больно они экзотические. Вдруг ты, скажем, космонавт, а?! Неправдоподобно? Погодите иронизировать, к вариантам с космонавтами мы ещё вернёмся.

Я проходил по смешанному варианту – почти как в фильме «Кавказская пленница»: студент, комсомолец, спортсмен. А ещё командир ударного стройотряда. И с выездным «стажем»: в «не птице» Болгарии уже побывал. То есть вопрос «одобрям-с» теоретически должен быть решён. Он решился и практически: после собеседований на работе, затем в райкоме номер два (комсомольском) и, наконец, номер один (партийном) меня «утвердили».

Следующая ступень – инструктаж. В связи с этим событием как не обратиться к Владимиру Семёнычу Высоцкому? Он как раз в те годы чудесно рассекал по Франции и был, что называется, глубоко в курсе дела. Так что если песни про войну, очень талантливые, Высоцкий

придумывал по чужим рассказам, то в «Инструкции перед поездкой за рубеж» излагал самую что ни на есть настоящую автобиографию образца 70-х – свою, мою, а также других участников нашей французской группы. Как инструктировали, чтобы не вздумали «жить там сдуру, как у нас»; чтобы сурово отказывались от подарков, чтобы избегали «шпионок с крепким телом» и прочей «буржуазной заразы».

В общем, прямо по названию современной телепередачи: «Точь-в-точь». Но вот – ура, прошёл я инструктаж: ветераны комсомольско-туристического движения подсказали, как на советы-указания правильно реагировать, делая серьёзное лицо и со всем соглашаясь.

А потом... всё накрылось «медным тазом». Не у Высоцкого, а у меня. Наши советские регбисты из спортивного клуба «Фили»... Стоп! Какое отношение я имел к регбистам? Какая связь с моей поездкой? Верно: никакого отношения. Тем не менее связь, как выяснилось, существует. Регбисты где-то у кого-то выиграли судьбоносный – для клуба, города, а может, и страны – матч. И лучшую часть команды в виде поощрения решили послать во Францию. А десяток тех, кто был согласован предварительно, включая меня, вычеркнули. С извинениями, конечно. Временно, разумеется. В следующий раз поедете непременно, вы – в первых номерах. Ну, в целом, думаю, понятно.

В аналогичной ситуации и примерно в то же время оказался молодой, но уже замеченный и обласканный писатель, который фигурирует в своём произведении на заданную тему под псевдонимом Жора Полуяков. И Жору, как и меня сотоварищи, вычеркнули. Но потом... вернули на место! Каким образом? Да совершенно чудесным: заболел входивший в группу молодой герой-космонавт. Вот почему я выше вспомнил про космонавтов.

Догадываетесь, что дальше случилось со мной? Правильно догадываетесь. Заболел! Правда, не я. И не космонавт. Заболел регбист. Чтобы закрыть вакантную клеточку, меня вернули в списки. Потом всё происходило по типовому сценарию, который прекрасно описал впоследствии тот же Жора, так что просто воспроизведу:

...Мы обмывали мою будущую поездку в Париж. Захорошев, друзья начали давать мне советы, суть которых сводилась к тому, что самое главное в групповом туризме – сразу разобраться, кто из органов, а кто собирается «соскочить», – и держаться подальше от обоих.

– А как узнать? – недоумевал я.

– Ничего сложного: увидишь – догадаешься...

Сколько раз я ездил в командировки, но никогда супруга моя не собирала меня в путь-дорогу. В этот раз всё было по-другому. Жена трижды ездила за консультацией к своей двоюродной сестре, вышедшей замуж за сантехника-международника. Я не шучу: в наших посольствах работают только свои, вплоть до дворника и посудомойки. Кроме того, супруга посвятила несколько часов обзваниванию тех наших знакомых, которые так или иначе имели дело с заграницей.

Обобщив все советы и рекомендации, она тщательно укомплектовала мой чемодан с таким расчётом, чтобы любую свою нужду или потребность вдали от родины я мог удовлетворить, не потратив ни сентима из тех трёхсот франков, каковые нам обещали выдать по прилёте в Париж. На случай продовольственных трудностей в чемодан были заложены несколько банок консервов, два батона сухой копчёной колбасы, три пачки галет, упаковка куринобульонных кубиков, растворимый кофе, чай, сахар, кипятильник, две бутылки – водка «Сибирская» и коньяк «Белый аист». Отдельно, в специальном свертке, таилась железная банка чёрной икры – на продажу. Имелся и небольшой тульский расписной электросамовар – для целенаправленного подарка...⁵

---

⁵ Юрий Поляков, «Парижская любовь Кости Гуманкова» (АСТ).

Интересно описывал Полуяков и процедуру заполнения на вылете из СССР таможенных деклараций:

– Как вы думаете, – уловив мой взгляд, спросил товарищ по группе, – золотые зубы вписывать?

– Не надо. Вы же не в Бухенвальд едете! У моего друга платиновый клапан в сердце – он и то никогда не вписывает!..⁶

Шутки шутками, а одного регбиста на таможне тормознули: в таинственной мешочке, прикреплённой тесёмкой к шее под рубашкой, он вёз запрещённое – кучку монет разного достоинства, выпущенных к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Дилемма возникла, конечно. Потому что регбист в крик: я советские ценности хотел пропагандировать! А ему: зачем же их прятать, дорогой товарищ? И почему в декларацию не внесли? Неувязочка получилась, одним словом... Впрочем, пожурили, повздыхали, почесали репу и, видя искреннее признание советского комсомольца в совершённой (ну, не страшной, правда же?) ошибке, отпустили к французам.

Как ходил в Нотр Дам, Лувр; как стоял в очереди на Эйфелеву башню, как гулял по Монмартру – это каждый расскажет. Очереди, конечно, не понравились. Вроде бы мы привыкли к ним в родном Советском Союзе, но нам по секрету сообщали, что во Франции очередей нет. Оказалось, очень даже есть. Не понравилась и прогулка на кораблике по Сене. Вообще-то не сама прогулка, а вот что. Усадили всех в кресла плотными рядами: ни тебе по палубе прогуляться, ни в буфет какой сходить и освежиться красненьким для более взвешенного восприятия капиталистической французской действительности.

Врать, однако, не буду и признаюсь: тезис «У самих добра такого завались» не срабатывал. Самые простые вещи вызвали внутренний и внешний вскрик: «Ну, надо же!» Скажем, каждому раздали наушнички, из которых лилась русская речь с рассказом о том, что мы видели на берегу. Мы о таких наушничках слыхом не слыхивали. Да и в целом происходящее казалось сказкой. В наше время сказка стала былью, а во фразе «Какой русский не бывал в Париже» дистанция между шуткой и реальностью существенно сократилась. Поэтому опустим парижские восторги образца 70-х и перейдём к пока неочевидным, но главным для нашего повествования аспектам, для чего переместимся из Парижа во французский городок Шамони.

Не для альпинистов и горнолыжников, а для всех прочих людей скажу, что это чудное местечко расположено в Альпах. Отсюда ходят на высшую точку «их» Европы – гору Монблан высотой в четыре тысячи восемьсот метров. Об этом я к моменту первого посещения Франции слышал, но не более. А тут представилась возможность если не взойти, то хотя бы посмотреть на культовую вершину. Слова «Гималаи», «Непал» я тоже слышал, но куда реже, а побывать даже и не мечтал.

И тут случилось нечто. Гид сказал, что у нас будет встреча с мэром Шамони, которого зовут Морис. Регбисты поинтересовались, занимается ли он, как они сами, лучшим в мире видом мужского спорта. Узнав, что Морис изъяслял себя в альпинизме, спортсмены интерес к встрече потеряли. Но, увидев накрытый мэром стол – бутерброды с невиданной нами красивой ветчиной, сказочным ассорти из десятка сыров, румяными круассанами (от одного такого названия в 70-х у советских начиналась не «собственная гордость», а слюновыделение), – отреагировали добрыми улыбками, а после обнаружения батареи бутылок с пивом не удержались от характерных отечественных восклицаний: «Ух ты, мля!»

---

⁶ Юрий Поляков, «Парижская любовь Кости Гуманкова» (АСТ).

Да, на столе стояло даже пиво! Никогда мы не пробовали такого пива! Да что говорить: и бутылок таких не видывали, и этикеток. Я сразу посчитал – на нос приходилось бутылки по две. Успех встречи был предрешён.

Мэр Морис говорил о российско-французских связях, об уважении к государству трудового народа – СССР, о взаимодействии наших культур. Тем не менее мы напряглись, вспоминая контрпропагандистский инструктаж в Союзе и готовясь, если что, давать отпор искажающим историю инсинуациям и жёстко отстаивать нашу безоговорочную победу над их Наполеоном в 1812-м. И при необходимости смягчая страсти, напомнить о доблестной и дружной советско-французской эскадрилье «Нормандия-Неман», громившей фашистов в следующей Отечественной войне. То есть да, была война французов с русскими, и нечего к нам соваться, поскольку «кто к нам с мечом...» и так далее. Но впоследствии воевали против общего врага вместе, потом (и сейчас!) мир-дружба. Однако Мориса, видно, не сильно занимали войны, он перешёл на совсем другую тему и рассказал сначала про видневшиеся из окон Альпы с Монбланом, а потом про Гималаи. Как штурмовал гималайские вершины в Непале и покорил одну из них, всем известную (кому «всем»? Мы-то не слышали) и очень значимую. И что книжку об этом написал, и что вот-вот выйдет её русский перевод.

Обаятельный, симпатичный мэр выглядел по-французски молодо, хотя ему стукнуло под шестьдесят. Но... у Мориса почему-то недоставало пальцев на руках: кисти были, а пальцев почти нет – так, одни примыкающие к кистям фаланги. Что это? Может, воевал? Не спрашивать же...

Регбисты, допив пиво, к беседе вновь охладели. А я, напротив, возбудился. И в конце протокольной встречи спросил – куда деть журналистскую жилку:

– А можно с вами побеседовать про Гималаи и Непал?

Морис удивился и, по-моему, обрадовался такому вопросу.

– Да, – доброжелательно сказал он, – я сегодня работаю до девятнадцати часов. Приходите в девятнадцать.

В ходе этого короткого диалога вдруг и очень просто прояснилось, кто в группе чекист. Если руководитель советского выездного коллектива только недоволен, но вполне открыто поморщился на мою просьбу (зачем мне лишняя головная боль и писанина в отчёте), то представитель органов сжал губы, сверкнул взглядом и сразу же принял прежнюю улыбчивую мину.

Запрещать мне встречу чекист, ясное дело, постеснялся, ведь в стране победившего социализма права человека и прочие демократические нормы подняты на необычайную высоту. Так что вечером я спокойно направился в мэрию, что располагалась близко к отелю. Версия о чекисте, который раньше косил под регбиста, подтвердилась. Он подошёл ко мне в холле гостиницы, хлопнул по плечу, растянул рот до ушей и сказал: «Слушай, какой ты молодец! Давай пойдём вместе! Я тоже очень интересуюсь Гималаями, Непалом, буддизмом-индуизмом и вообще всем, что с этим (с чем «этим»? – подумал я) связано».

Наблюдать за представителем компетентных органов оказалось интересно. С Морисом мы беседовали на английском – благо я закончил английскую спецшколу. Мэр иногда вставлял и французские фразы. А боец невидимого фронта пояснил, что языков, к сожалению, не знает, поэтому захватил с собой переводчика. В ходе разговора демонстративно поворачивал голову в его сторону и внимательно слушал, Морису же одинаково улыбался на любое высказывание. Параллельно что-то «писал в блокнотик впечатлениям вдогонку». Я скопил глаз на блокнот и увидел, что записи велись на английском. И на французском. Школа!

Морис начал издали. Оговорюсь, что дальше я его рассказ буду излагать так, как слышал *тогда*. Зачем нужна подобная оговорка? Затем, что, во-первых, многое изменилось в Непале и рукотворной части Гималайского региона за столько лет. Во-вторых, впечатлениями Морис делился не как учёный, не как исследователь истории, этносов, религий, архитектуры, а

как альпинист, главным для которого было восхождение. Остальное – так, человеческие эмоции очевидца.

Я и слушал как начинающий альпинист и абсолютный профан во всех остальных перечисленных направлениях знаний. В дальнейшем, конечно, в моём интеллектуальном багаже, равно как в окружающей действительности, произошли весьма существенные изменения, но о них я расскажу позже, своим чередом.

В Непал команда Мориса попала через Индию, прилетев туда самолётом из Парижа. Страна Непал оказалась невеличкой даже по французским меркам. Для нас же, которые привыкли измерять величину территории и называть её большой или маленькой в зависимости от определения, сколько Франций на ней уместится, это азиатское государство выглядело и вовсе песчинкой по сравнению с СССР. Ну, чего там: шестьсот километров в длину, двести – в ширину. Впрочем, «песчинка» довольно твёрдая. По ухоженным французским дорогам 600 километров можно проехать на «паркетном» автомобиле часов максимум за пять, по российским – смотря где, конечно, и смотря какие дороги, но в большинстве случаев в сутки можно уложиться. В Непале шесть сотен километров подряд проехать в принципе нельзя ни на чём. А сколько времени их нужно *преодолевать*? Ну, скажем так, долго. Или всегда...

Зачем Морис сотоварищи подались в Непал? Затем, чтобы взойти на гору высотой более восьми тысяч метров. Всего таких гор в мире четырнадцать, причём восемь из них расположены в этом самом Непале. К 1950 году, когда планировалось восхождение Мориса, 22 экспедиции различных стран пытались победить восьмитысячники. И ни разу не победили, а горы людей ой-ой-ой как потрепали, иные в них и остались.

Район, куда вышла группа Мориса, был ими, конечно, спланирован заранее, но вот конкретную восьмитысячную вершину для восхождения прикидывали лишь приблизительно. Может, Дхаулагири, может, Аннапурна. В общем, пятого апреля вошли в Непал.

Как вы думаете, о чём станет больше всего говорить любой альпинист, рассказывая о своём восхождении? О погоде! Обязательно, долго, подробно и со знанием дела. Не стал исключением и Морис. Как погода? Непальская погода в апреле тёплая. Внизу. А вверху холодная. Начиная с пяти-шести тысяч метров лежит вечный снег и без солнца почти всегда минусовая температура, а зимой то же самое и на высотах пониже. Поэтому зимой на восхождения из-за холода почти не ходят. Однако и лето считается неблагоприятным сезоном: тепло, но идут муссонные дожди. Проблема здесь не в водяных потоках, а в видимости, которая в горах летом становится почти нулевой, в воздухе висит влажное и жаркое марево. Даже для обычных путешественников это не слишком интересно: ты пришёл за впечатлениями, фотографиями, а снимать нечего – пот течёт, насекомые вокруг ползают, а горы вроде бы и нет.

На восьми тысячах метров ночью температура и летом опускается до минус сорока и ниже. Но как и в случае с муссонами, где вода – не основная проблема, на больших высотах таковой является не столько холод, сколько кислородное голодание, гипоксия. То, что начинается около – на – выше восьми тысяч, называется «зоной смерти». С точки зрения медицины средний человек сумеет прожить здесь три дня... Ураганный ветер, снег, мороз могут добить его значительно раньше.

Морис с командой теоретически знали всё это, а на себе пока не испытали. Да, за плечами имелся солидный опыт сложных альпийских восхождений. Но что Альпы? Они до пяти тысяч не дотягивают, отсюда ни о какой высотной акклиматизации и речи нет.

Почему для подхода к горе выбрали апрель? Потому что май считается лучшим месяцем для штурма серьёзных вершин. Например, более 90 процентов восхождений на самую высокую гору мира – Эверест – приходится на май. Апрель же предназначен для акклиматизации, подноса грузов, обустройства лагерей.

Первым делом они наняли шерпов. В бытовом понимании шерп – носильщик. Это не совсем верно: шерп, а точнее шерпа – национальность, коих в Непале десятки. Но именно эта

сосредоточена в высокогорье, именно из неё формируется основная категория высотных (!) носильщиков (портеров), а также проводников (сирдаров), которые во многих случаях становятся и восходителями.

Сколько носильщиков нужно на среднюю группу восходителей – ну, скажем, человек в десять? Это зависит от задач. У Мориса с командой задачи ставились по-наполеоновски грандиозные, а исходная информация приближалась к нулю. И они наняли двести носильщиков. Весь экспедиционный груз разбили на примерно равные доли по одной маунд – около 36 килограммов на каждого портера. То есть в целом получилось более шести тонн. Что было в этих тоннах? А вы представьте себе, что взяли бы с собой в двухмесячное горное путешествие. Представили? Вот *всё* это в шести тоннах и наличествовало. Нести груз предстояло 250 километров по горным тропам. А потом вверх и вверх без измерений километража в длину – на высотных восхождениях в метрах-километрах считается высота, а не протяжённость маршрута.

36 кг – это много или мало? Если вы попробуете пронести рюкзак такой тяжести – хороший рюкзак, с каркасом, лямками и регулирующими ремешками – скажем, пару километров по ровному месту, то поймёте, что это *очень тяжело*. Шерп сложит ваши рюкзаки или другой груз в один свой бесформенный мешок или корзину, или свяжет их вместе и – спокойно и долго – понесёт с одним крепежом в виде налобного ремня на то расстояние, которое потребуется.

Вес в 36 кило или чуть меньше предназначен для так называемого экспедиционного, практически элитного носильщика. А есть носильщики «хозяйственные», грузовые, которые тащат до ста килограммов. Брёвна, шкафы, кровати, консервы, живность, фрукты; да хоть кирпичи. Зачастую и они подключаются к экспедициям и таскают любую поклажу по ситуации, хоть самого восходителя, что впоследствии и случилось...

Как экипировалась французская экспедиция? *Как положено*: тёплая и удобная одежда и обувь, консервированные продукты, снаряжение, медикаменты. Хотите узнать точнее – загляните в любой источник, описывающий специфику альпинистских экспедиций.

Интереснее рассказать об экипировке шерпов. Они снаряжались с точки зрения европейцев... как-нибудь. Пересекая непальские селения, Морис заметил, что люди ходят босиком. Лишь именитые жители носят обувь, что считается признаком состоятельности и даже шиком. Ботинки с не завязанной шнуровкой воспринимались как особый шик. Все шерпы на *обычном* маршруте также шли босиком. То есть босыми передвигались по *обычным* камням, *обычному* снегу и *обычному* льду. А необычность – это когда начинались высотные прохождения с холодом и техническими сложностями.

Сначала Морис подарил пару башмаков главному сирдару, и это сразу повысило престиж проводника среди портеров. Потом, чтобы ускорить движение, предусмотрительно запасённые ботинки дали и другим носильщикам. Но они берегли их и несли, перекинув через плечо, пока маршрут не усложнился. Некоторые носильщики иногда шагали в носках, шлёпанцах...

Прошу Мориса поделиться впечатлениями о непальцах, которых они встречали, проходя через горные селения. Я тогда мало интересовался техникой восхождений, меня занимал Непал как таковой, люди и традиции страны – на это и сориентировал прежнего восходителя и нынешнего мэра.

– Ладно, – говорит Морис, – расскажу о людях. Они сильно религиозны. Не очень разбираюсь в их многобожии, но знаю, что основные религии в Непале – индуизм и буддизм. Впрочем, в чём разница между ними, тоже не очень понимаю. Однажды мы попали на очень важный для индуистов религиозный праздник Кумбх-Мела – праздник кувшина, который отмечается каждые двенадцать лет. Садху (святой человек), окружённый толпой, читает священные тексты. Подозреваю, что простые крестьяне мало понимают в этих текстах. И более того. Там везде стоят флажки, буквально испещрённые такими текстами – мантрами. Я спросил – не крестья-

нина, не носильщика, а более грамотного непальца-сирдара, – что означают эти надписи. Тот стеснительно улыбнулся и сказал, что не знает.

Праздник подразумевает обязательное омовение, поэтому, прослушав молитвы, многие верующие направлялись к реке Кали-Гандаки, которую называли священной. Некоторое время спустя, встретив вторую и третью подряд священную реку, я задумался, а есть ли в Непале *несвященные* реки, и вновь спросил об этом сирдара. Тот помолчал, а потом засмеялся.

Около реки мужчины и женщины раздевались – не догола конечно; затем входили в воду и погружали в неё листья лотоса, которыми ударяли себя по лбу.

Тут и там установлены ряды металлических цилиндров с мантрами. Мы называли их мельницами. Шерпы обязательно вертели эти мельницы-барабаны, приобщаясь таким образом к не очень понятным нам таинствам.

Реальное таинство мы увидели, когда пришли в местечко Мухтинатх – святая святых не только для местных, а вообще для всех посвящённых. Здесь много паломников из других регионов и даже стран, во всяком случае, из Индии. Мы видим храм-пагоду, окружённый целебными источниками. Паломники купаются в них, звонят в колокола, жгут благовония, крутят молитвенные барабаны. Ручейки от источников стекают в горизонтальный канал, а он в свою очередь питает 108 тонких труб, украшенных головами драконов. Из этих труб можно набирать воду, пить её, омываться.

Нам говорят, что прямо тут и прямо на воде горит вечный огонь. Мы сомневаемся, но девушки – хранительницы культового места приподнимают камень и показывают отверстия, откуда и впрямь мерцает голубой огонёк. Уверяют, что его зажёт сам Будда и теперь огонь горит всегда. Если прислушаться, там слышно журчание подземной реки. Поэтому Мухтинатх и считается святым, мол, это единственное место на земле, где присутствуют одновременно пять стихий – Земля, Вода, Огонь, Воздух и Эфир...

Я спросил у Мориса, как он относится к такому волшебству.

– Ну, не знаю. Может быть, природный газ...

В 70-е я не сильно разбирался в религиозных таинствах, но слышал, что в Библии написано про Благодатный огонь, сходящий на Гроб Господень в канун Пасхи. В Великую субботу посмотреть на него в Иерусалиме может каждый желающий – достаточно прийти на площадь перед храмом Воскресения. Откуда берётся этот огонь? Сходит, и всё! Внятных научных объяснений по поводу этого явления я не встречал.

– Морис, а вы слышали про Благодатный огонь в Иерусалиме?

– Да, слышал.

После этого он произнёс какую-то фразу, которую ни я, не переводчик прямо истолковать не смогли. В итоге переложили на русский язык примерно так: «Я не по этому делу». Человек из компетентных органов скептически улыбнулся. Видимо, он был «по этому делу» и понимал больше.

Беседа продолжалась.

– А как непальцы вообще живут?

– Не скажу за весь Непал. В больших городах – Катманду, Покхаре – есть, конечно, сравнительно богатые дома. Они похожи на крепости и окружены стенами-заборами. В горных селениях таких домов мало или нет совсем. В большинстве случаев жилища представляют собой низкие лачуги, передняя часть которых просто-напросто открыта для всеобщего обозрения. Там чаще всего расположены кустарные мастерские. Обрабатывают шерсть яков и овец, прядут её, выделывают ткани, нанизывают какие-то бусы. Причем занимаются этим главным образом мужчины.

Взрослые непальцы скромно, приветливо и почтительно нам улыбаются. Субу (глава поселения) выходит обычно навстречу и не выражает ни малейшего удивления, хотя, воз-

можно, видит белых людей впервые. Сведущие коллеги объясняют, что Будда учил сохранять невозмутимый вид при самых необычных обстоятельствах.

Более раскованно ведут себя ребяташки. Они ещё не научились быть сдержанными и выбегают откуда ни возьмись, тщательно рассматривая нас. В принципе и большие, и маленькие не могут понять, что мы пришли с другой стороны огромного горного хребта – видимо, они вообще не подозревают о существовании другой стороны. Впрочем, о людях, не похожих на непальцев, местные жители слышали. Это неудивительно: часть мужчин составляют гурки – непальцы, которые служили в британской армии, главным образом в её индийской части.

Показывают на нас пальцами и спрашивают:

– Американцы?

– Нет, французы.

– А-а-а... Кто такие французы?

– Ну, есть американцы, есть англичане, но мы французы.

Все утвердительно кивают головами:

– Теперь понятно: вы – американцы!

Я сдаюсь: пусть будут американцы.

Что они едят? Рис в первую очередь. Изготавливают также цампу – муку из зёрен ячменя. Из муки варят кашу с добавлением молока или масла яка, тибетского чая или простой воды. Из цампы в казане или на разогретом листе железа пекут хлебные лепёшки – чапати. По улицам бегают куры. При нас шерпы вместе с жителями ходили на охоту и убили трёх животных, которых называли тхарами. На нашем языке это сероу – большая коза...

Девушки колотят палками по белью, разложенному на камнях. Это стирка. Что касается глажения, то оно здесь, видимо, без надобности. Женщины, даже маленькие девочки, носят украшения: в ушах, ноздрях, на лбу, на шее, на запястьях. Они смеются, когда видят, как мы чистим зубы и бреемся.

При попытке сфотографировать девочек поднимается визг: что это за приспособление, из которого выбегают «зайчики», вдруг это какие-то злые существа? Но мы выходим из положения: достаём из сумки и даём понюхать флакон с одеколоном, а потом брызгаем парфюмом на одну из девочек. Её восхищение граничит с экстазом. Духи в этих краях пользуются особой популярностью, как и любые благовония.

Непальцы хитры своей простодушной хитростью. Так, часть груза мы везём на лошадях. Лошади устали, у некоторых появились потёртости, и мы просим у субы заменить бедных животных. Он соглашается и вскоре приводит несколько кобылок. Но они ещё хуже наших! Мы бракуем их и просим тоже поменять – в конце концов всё это не бесплатно. Суба опять соглашается и буквально через несколько минут с торжествующей улыбкой приводит другую смену «хороших» лошадей. Но это те же лошади! Спорить бесполезно. Это Восток!

Снова прошу понять: мы не совершали этнографическую экспедицию – мы намеревались покорить восьмимысячную вершину. Посему я плохой рассказчик, когда речь заходит об истории, религии и этносах. Давайте я продолжу про альпинизм.

После ряда разведок мы отбросили вариант с Дхаулагири и остановились на Аннапурне. У нас была карта с обозначением перевала Тиличо, откуда вроде бы можно увидеть Аннапурну. Но про перевал никто не слышал, про вершину – тоже. Единственная дорога, известная местным жителям, – тропа паломников в Мухтинатх... Перевал мы нашли. И увидели озеро Тиличо.

В Непале несколько больших и красивых озёр. Например, озеро Фева, на котором стоит довольно большой город Покхара, – тёплое, уютное, в нём много рыбы. Можно наблюдать, как она плещется, а можно заказать эту прекрасную пресноводную рыбу на обед или ужин. Но Тиличо – иное пространство: это озеро расположено на высоте около пяти тысяч метров, и никакой рыбы, и вообще ничего, кроме скал, снега, льда здесь нет. Но озеро чрезвычайно

красиво; в зависимости от освещения, времени суток оно меняет свои цвета: то серое, то зелёное, то голубое.

Поднявшись на перевал, мы увидели семитысячники Гангапурна и Чонгор. Вскоре показалась гора в виде огромной широкой белой глыбы. Это точно восьмитысячная Аннапурна...

Морис подобрался и задумался.

– Вы знаете, дальше начинается совсем другая история. Мне больше нечего добавить про культуру, обычаи, особенности страны, которые вас вроде бы интересуют – разве что мы вернёмся к этому потом, если мне удастся рассказать, а вам дослушать всю историю до конца. Вот вы смотрите на мои руки и видите, что на них почти нет пальцев. Если я сниму ботинки, вы поймете, что пальцев нет и на ногах. Вы думаете, я родился без пальцев? Нет, я родился с пальцами. Дальше надо было бы поведать о том, как я их потерял. Нужно ли вам это?

Глава II

Два Володи

Я любил походы и турслёты. Сначала по лесам Московской области. Потом по Кавказу. По Тянь-Шаню. По Алтаю. Эх, времена! Палатки ещё «промокашки» – брезентовые, спальные ватные, банки с тушёной жестяные, картошка «живая», хлеб – буханками, для огня – бензиновые примусы, сам бензин – в канистрах. Рюкзак-«абалак», названный по имени конструктора – знаменитого в прошлом горвосходителя Виталия Абалакова, похож на подушку. Туристская романтика.

Вот с рюкзака всё и началось. На походной тропе мы случайно пересеклись с отрядом альпинистов. Рюкзаки у них были принципиально другие: с множеством регулирующих лямок, в форме правильного овала, без всяких болтающихся снаружи предметов. Вместо облезлых тёмно-зелёных штормовок на «бойцах» привлекательно смотрелись лёгкие, ярких цветов куртки-анораки. В руках почему-то они держали лыжные палки, хотя на дворе стояло лето. Сели вместе передохнуть.

Один из альпинистов – назовём его Володя-старший – сказал:

– Вот ты, вижу, здоровый парень, а занимаешься всякой мутатой. Что это за рюкзак у тебя времён русско-турецкой войны? Стыдобень! А одежда? А снаряга?

– Ну, как, – отвечаю, – рюкзак заслуженный, «абалаковский», и штормовка – неременный атрибут туристской жизни. Песня есть про то, как «вышитопан на штормовке лавины предательский след». Про альпинистов братьев Абалаковых слышали, наверно?

– Сынок! С Абалаковым общался вот как сейчас с тобой. Не только слышал, но и ходил. А ты: «слышал ли»... Рюкзак он изобрёл, да, но произошло это очень давно. И песню «Люди идут по свету» знаю и люблю. Но рюкзаки старинные, о двух лямках, не выношу. И штормовки тоже. Какие теперь штормовки, когда нормальное снаряжение есть?! Ты думай, что несёшь: Абалакова в туристы записал! Знаешь, что слово «турист» у серьёзных людей означает почти ругательство? Вот видишь человека на тропе: рюкзак прямо как... подушка, если поласковее выразиться; котелок закоптелый по жопе стучит. Это турист! Порнография! Не зря вас называют зелёными чудовищами.

– И что ж теперь?

– Если сделаешь правильные выводы по жизни, то всё сложится нормально. Езжай-ка ты в альплагерь, начнёшь реальную спортивную карьеру...

Вот так я и прибил к серьёзным людям. Володя-то старший, как выяснилось, был мастером спорта международного класса по альпинизму и одним из лидеров спартаковской альпинисткой команды. Лидер и участник крутейших восхождений во многих странах мира. И вскоре после несложных с бюрократической точки зрения процедур и, напротив, непростых спортивных зачётов я оказался рядом с ним на Западном Кавказе, в альплагере Узункол. Лагерь культовый, прославленный в песнях и стихах. «Альпинизм – школа мужества» – написано на лагерном плакате. «Туризм – школа замужества», – добавляли от себя шутники.

«Рядом с серьёзными людьми» – это сказано, надо признаться, слишком громко. Как может турист-второразрядник встать рядом с альпинистом – международным мастером? Никак! Наблюдать за мастерами – мы, храбрысь, иронично называли их «великими», но они и вправду были великими, – считалось уже за счастье. Если же удавалось рядом посидеть да послушать песни-разговоры, так это вообще рассказываешь потом годами. А послушать было что, поскольку рядом с Володей-старшим обычно находился его друг Юра.

В альпинизме Юра ушёл от меня недалеко: он заработал второй разряд и выше в формальной спортивной иерархии не продвинулся. Однако рядом с мастерами Юра присутствовал постоянно и полноправно. Как так получилось? Ну, если бы вы снялись в фильме «Сем-

надцать мгновений весны» да написали сотню песен, то и вам бы железно досталось место в ближнем кругу великих. Поскольку «старину Бормана» из «Мгновений» каждый знает. И песню «Милая моя, солнышко лесное» – тоже.

Тут, конечно, встаёт другой вопрос: великие «ходили», то есть делали сложные скальные и ледовые восхождения, непосильные для второразрядника Юры. Так что ж! Иные симпатичные особы женского пола становились даже мастерами спорта рядом с великими, карабкаясь вторым-третьим-четвёртым номером по провешенной ими с трудностями и риском верёвке и (или) разделяя, так сказать, ложе на предвершинном бивуаке.

Юра ничего такого не разделял: это с ним великие разделяли песни и обаяние. Юра и сам ходил на простые маршруты, а на сложные сопровождал великих до штурмового лагеря. И встречал после победы над вершиной, писал новые песни и пел старые, и пировали они как следует все вместе. А уж когда спускались в лагерь, песни и звон посуды гремели порой всю ночь. Как же после этого идти на следующую вершину? Да без проблем: после восхождения полагается день отдыха, и очередной штурм происходит уже на свежую печень и голову.

«Наблюдать», сидя поблизости, за великим альпинистом Володей-старшим и великим артистом-бардом Юрой, пусть не чокаясь и не братаясь, считалось делом почётным. Впервые, потому что сам я, как большинство моих товарищей по альплагерю, пока не дотягивал до великих, к тому же были они лет на двадцать постарше. Но вот по части бухла...

Пить и курить в лагере категорически запрещалось. Неположенные поступки преследовались и карались отчислением из отряда. Так не светись! К тому же запрет на курение носил скорее символический характер: нас окружали деревья и кустарники, высокая трава, ручьи, скалы, так что было куда слинять буквально за пять минут и позатыгиваться всласть. Что же касается выпивки, то дело обстояло несколько сложнее. Расстояние от «Узункола», стоявшего на высоте две тысячи двести метров, до ближайшего селения Хурзук с магазинами, где продавалось спиртное, составляло ни много ни мало восемнадцать километров, да ещё с перепадом высот метров в восемьсот. То есть вниз-то сбегать для спортивной молодёжи не являлось проблемой, а вот переться обратно... Но, представьте себе, пёрлись! И вниз действительно бежали бегом: а что, молодому альпинистскому «коню» восемнадцать вёрст ничем! Затаримся в ауле каким-нибудь местным дешёвым портвейном, дёрнем по стакану и не торопясь шагаем обратно. Часа за четыре с половиной в оба конца укладывались – чем не тренировка выносливости?!

Потом и вообще произошло чудо: в лагере появился начинающий альпинист Валера, который в гражданской жизни был молодым, но уважаемым деревенским доктором. Он тоже пришёл снизу, из Хурзука, с рюкзаком за плечами и с крайне неудобной для переноски большой хозяйственной сумкой в руках. В ней, переложённые одеждой, содержались семь бутылок чистого медицинского спирта. Великие от угощения не отказались, а мы вместе со щедрым Валерой приблизились к ним, во всяком случае на время распития, и были избавлены от необходимости совершать регулярные почти марафонские забеги: разведем ввечеру спиртюган с каким-нибудь соком, послушаем или потравим в своем кругу истории про подвиги великих, заодно привирая про подвиги свои, – и спать.

Своим чередом шла жизнь в лагере: у нас тренировки, лёгкие восхождения; у великих – выходы покруче. Однажды когорта великих пополнилась Володей-младшим. По возрасту он был всего на пару лет старше меня, а вот по опыту оторвался очень далеко. Мало того, что мастер спорта, Володя и уважение среди великих имел весьма приличное. Впрочем, альпинистская «молодость» долгая: покоряя серьёзные вершины в двадцать пять, многие делают то же самое и в сорок, и в пятьдесят-шестьдесят: такой вот специфичный спорт, любящий, конечно, ловких и быстрых, но ещё больше волевых и опытных.

Если Володя-старший был высок, строен, с чернявым зачёсом на лбу – про таких говорят «казак» и «красавец», – то Володя-младший выглядел совсем по-другому: призем-

стый, рыжеватый, кучерявый, с примесью каких-то поволжских народностей во внешности. Володя-старший смешлив, говорлив, задорен; Володя-младший серьёзен, немногословен и очень спокоен. В общем, почти как у Александра Сергеевича: «Волна и камень, стихи и проза, лёд и пламень». Но вот по части спортивной «старый конь» и «молодой олень» не уступали друг другу.

Кто «великие», а кто «новички»; кто «инструкторы», а кто «участники», но жили мы в лагере одной жизнью, скорее совместной, чем обособленной. И всё происходящее в этой жизни воспринимали с интересом и близко к сердцу. Пришло время, и мы ближе познакомились и разговорились с Володей-младшим. В лагере чаще всего мы, конечно, – не смотрите на рассказанное выше, – не бухали, а чаёвничали, а на выходах – так и всегда. Наберём в ручье воду, закипятим на примусе в кастрюле или котелке, нальём в трехлитровую банку, насыплем туда растущего буквально под ногами чабреца, добавим чёрного чая и балагурим. Чай пили с сахаром, а ещё лучше, когда кто-то доставал банку варенья или сгущёнки: работающий организм требовал калорий и с удовольствием принимал и сладкое, и жирное, и мучное, а диеты не приветствовал.

Где чай – там и разговор. О чём? О восхождениях, разумеется; в целом правдиво, но с разными оттенками. Рядом с Володей-старшим обязательно сидела какая-нибудь молодая участница отряда, которую он в свободное от работы на маршруте время не гнушался опекать, и рассказ Володи приобретал обязательный характер подвига. Володя-младший женским полом интересовался мало и подвигами особо не хвастался, а стремился разбирать всякие проблемные ситуации в горах.

Про него самого я узнал, что Володя-младший окончил физтех, где, как и многие, услышал про институтскую альпсекцию, в ней и начал путь восходителя. Быстро получил значок «Альпинист СССР» – это по тем временам соответствовало вступлению в пионеры в обычной жизни. Кто получает значок «Альпинист СССР»? Кто приезжает в альплагерь, тот и получает. «Рискуя жизнью» в процессе отработки приёмов горной страховки между... сосновыми деревьями. Многие в лагерь большие не попадают никогда в жизни, но про «риски» и «суровые» восхождения азартно повествуют.

Володя приехал снова и снова. Вскоре стал третьеразрядником, что, если уж рассуждать в выбранной советской логике, приравнивалось к рядовому комсомольцу. В силу чрезвычайной талантливости, которая выражалась в первую очередь в виртуозном лазании по скалам, а во вторую – в выносливости, всего через четыре года после третьего разряда заработал звание «Мастера спорта СССР» и чемпиона Союза, что в переводе на идеологический язык следовало квалифицировать как активный и статусный деятель коммунистической партии. Было в это время «деятелю» двадцать пять лет, работал он – а тогда нельзя было не работать – в ракетной организации «Энергия»; чем там занимался, я не очень понимал, но, видимо, приносил инженерную пользу.

Склонностей к лирическому философствованию вокруг альпинизма у Володи-младшего не наблюдалось. На проникновенные вопросы вроде «Как ты себя нашёл в горах?» или «Какой смысл ты вкладываешь в альпинизм?» он отвечал примерно так: «Мне это нравится, это моё, это мне нужно». А про смыслы и того проще: «Нет здесь никакого смысла!»

Августовским днём великие собрались на очередное, столь же великое, восхождение. Речь шла о стенном маршруте на вершину Трапезия. Не углубляясь особо в горвосходительную специфику, немножко всё же поясню. На бытовом уровне принято считать, что альпинизм – это когда высоко. И самые распространённые вопросы, которые задаются несведущей персоной любому альпинисту, это «Был ли ты на Эвересте?» или, в крайнем случае, «Восходил ли на Эльбрус?». Но дело в том, что Эльбрус с двумя куполами в пять тысяч шестьсот с лишним метров, даже будучи самой высокой вершиной на Кавказе и в Европе, к числу высотных, а также трудных вершин не относится. Однако стоящие рядом с ним пяти-, четырёх-

и даже трёхтысячные вершины вполне могут считаться трудными, и вовсе не из-за высоты. Скальной стены протяжённостью в несколько сот метров и углом наклона в пятьдесят и более градусов вполне хватит для того, чтобы восходителю с гордостью сказать: «Я ходил – на Кавказе или в Гималаях – такую-то стену» – Безенги, Далар, Шхельду и так далее, а понижающим слушателям отреагировать: «Ух ты!» Это так называемый технический альпинизм, основанный на умении преодолевать, не срываясь, сложные скальные рельефы, используя любые естественные выступы, а где их нет – крючья и закладки.

Неискушённый читатель может спросить и про лёд. Отвечу, что на льду тоже нелегко, но поуютнее, чем на скалах, и вот почему: крючья-ледобуры, которые вворачиваются в лёд, как шуруп в дерево, держат значительно надёжнее и более прогнозируемо, чем скальные. Кроме того, на льду используются «кошки» для ног и «айс-фифи» – своеобразные «серпы» с рукоятками – для рук, что обеспечивает дополнительную надёжность.

То и другое применяется и выше пяти тысяч метров, и даже на Эвересте, но там к техническим трудностям приплюсовываются высотные. Восхождение на семи- и восьмитысячники считается высотным альпинизмом и предполагает обязательную акклиматизацию и работу на рельефе в условиях недостатка кислорода. Отсюда это вершины повышенной, а порой и запредельной трудности.

Относительно темы восхождения на Эверест. Такой вопрос, когда задаётся дилетантом даже среднему по уровню подготовки альпинисту, нужно признать и вовсе дурацким: в «зоне смерти» организм при любой акклиматизации способен продержаться лишь считанные дни, а потом затухает и умирает, так что восхождение на вершину мира – «не для средних умов».

Но вернёмся к кавказскому альплагерю Узункол, августу и вершине Трапещия. По высоте она не дотягивает и до четырёх тысяч метров, а взойти на вершину можно по гребню – это квалифицируется как несложный маршрут. Но группа, о которой я рассказываю, пошла в лоб, на стену, на те самые несколько сот метров суперсложного рельефа. У многих альпинистов «горел глаз» на эту стену. Её редко «делали» раньше только по одной причине: стена была камнями, да так, что камнепады простреливали весь маршрут и уходили на прилегающий ледник.

Вышли к Трапещии впятером. Юра сопровождал пятёрку до штурмового лагеря, который разбили на ледниковой морене, и как-то особенно беспокоился, приговаривая: «Вы, мужики, с ума сошли!» Потом вернулся в Узункол, а группа восходителей весь следующий день наблюдала ситуацию на стене, ещё день обрабатывала её, забивая крючья и провешивая верёвки, на третий же день пошла на штурм. Начали затемно, когда текущие на горе ручьи застывают, а камни, соответственно, вмерзают в них. С восходом солнца началось постепенное таяние, мелкие камешки сперва тихо покатались, потом стали набирать скорость и застучали поактивнее; затем появились бульжники покрупнее – от них приходилось виртуозно уворачиваться и предупреждать товарищей коротким криком «камень»; и, наконец, полетели огромные «чемоданы» – их движение, падение, расколы напоминали разрывы мин или снарядов.

Самый сильный «обстрел» разгорелся к середине дня, но группа, счастливо не побитая и даже не задетая камнями, прошла опасную стену и поднялась на гребень Трапещии. Здесь началась непогода, наступала грозная облачность, всё затянуло туманом, и видимость исчезла. В таких условиях даже самые сильные альпинисты прекращают движение и пережидают погодные катаклизмы. Так и сделали: поставили палатку, тесную для пяти человек – брали-то её на всякий случай, и вот такой случай настал. Вскипятили на примусе чай и прилегли, залезли в спальные мешки, не раздеваясь, чтобы, как только развиднеется и откроется ледник, сразу спускаться вниз. Вышли по рации на вечернюю связь и сказали,

что всё в порядке, что стену прошли, но не спускаемся пока, а переживаем непогоду. Приняли поздравления с победой, мало-помалу погрузились в сон...

Володя старший проснулся от странного и крайне дискомфортного ощущения, что в палатку проник кто-то посторонний. Высунул голову из спального мешка и замер. На высоте около метра от пола плыл ярко-жёлтый шар величиной с теннисный мяч, который вдруг зажил своей жизнью. Шар подлетел и исчез в спальном мешке Олега, одного из восходителей. Раздался дикий крик, после которого Олег затих, а «мяч» выскочил из мешка и начал «ходить» по остальным.

Когда шар прожёл и мешок Володи-старшего, альпинист почувствовал адскую боль, словно его пытали сварочным аппаратом, и потерял сознание. Потом сознание то возвращалось, то уходило, и ни он, ни другие ребята не понимали, что и сколько времени происходит. Очевидным было лишь то, что шаровая молния – стало ясно, что это именно она, – соблюдая только ей известную очерёдность, проникала в мешки, и каждое такое посещение вызывало отчаянную, нечеловеческую боль и вопль как реакцию на неё. Этот ужас повторился несколько раз.

Потом шар исчез. Люди не могли пошевелить ни рукой, ни ногой, тела превратились в очаги огня. Но оказалось, что участника группы Виктора молния зацепила всего раз, в пятку, и он мог двигаться. Виктор вышел по рации – странно, но она осталась невредимой – на связь с лагерем, обрисовал ситуацию и запросил спасательный отряд. Появилась надежда, и ребята в полубоморочном состоянии, поочерёдно приходя в сознание и уходя из него, стали ждать.

Как потом выяснилось, Володя-старший получил восемь контактов с шаровой молнией, Володя-младший и Саша – последний из участников восхождения, которого я ещё не упомянул, – по шесть. При этом у Саши здорово обожгло ниже пояса. И вот ведь мужики! Забыв про всё остальное, Саша вслух и серьёзно переживал именно за «мужскую силу». «Юмористические» воспоминания пришли гораздо позже. А тогда... У Володи-младшего обгорели пространные выше левого глаза и на пятой точке. Олег получил три касания молнией, а касание в солнечное сплетение стало роковым: Олег умер. Лишь Виктор отделался единственным несильным ожогом, он оставался на ногах и помогал раненым.

Ожоги были... как описать-то? Куски мышц, вырванные до костей, зрелище не для слабонервных. Когда подтянулся спасотряд, доктор бегло осмотрел раны и предложил обработать их спиртом. Все трое тяжёлых были в отключке, но как только ватка дотронулась до Володи-старшего, он очнулся и заорал: «Давай нам по сто грамм спирта внутрь, а потом сделай обезболивающие уколы!» Так и поступили. Володя-младший не реагировал ни на какие прикосновения; челюсть, чтобы влить спирт, ему пришлось отжимать ножом.

Спасатели принесли акьи – это такие сборные алюминиевые носилки для переноски раненых и погибших по горам. На ледовом рельефе их можно везти по льду, на скальном – спускаться на верёвках, прикрепляя карабинами за специальные дырки. В эти же дырки те, кто нес раненого, цепляли репшнуры, а их уже – себе на плечо. При наличии достаточного числа людей одна смена на одной акье составляла шесть человек; когда людей не хватало – четыре. Меньшее число в принципе не представлялось возможным. Это я к тому, что иногда в фильмах мы видим, как некий герой берёт пострадавшего в горах человека на руки и несёт его. Ну да, как невесту. Понесёшь, как же!

Юра пришёл со спасателями. Когда Володя-старший приоткрыл глаза, Юра спросил: «Как дела, капитан?!» – «Нормально», – ответил тот и опять потерял сознание.

Много трагического в альпинизме. И много мистического. И всё связано между собой. Абсолютно точно известно, что в ночь с шаровой молнией Юра «телепатил», а если выразаться точнее, то сидел в узункольском домике, пил чай и сочинял песню. «Ту самую песню», написанную тем самым августом, знают все прошедшие Узункол. Она о том, как в домике альпла-

геря уютно горит свечка, за окном стучит дождь, в соснах висит туман и так хорошо идёт обыкновенный чаёк. Песня, в общем-то, про непогоду. Обидно, конечно: смена пропала, в непогоду на восхождения не ходят. Вот Юра и не пошёл, но ребята пошли и попали в переделку. И очень хочется, чтобы завтра они смогли спуститься в лагерь...

Это были те самые горы. Та самая непогода. Тот самый Узункол. А вот пожелание они не выполнили, спуститься – так вышло – не смогли. Сами не смогли. По гребню, по леднику, по скалам, по травянистым склонам их несли в лагерь. Мы, здоровые, толкались возле домика-медпункта, то и дело задавая глупый вопрос: «Ну как?»

Когда происходили перевязки, из домика неслись крики, преимущественно матюки. Когда перевязки заканчивались, нас пускали к раненым, хотя бы для того, чтобы их немножко отвлечь от постоянных болей. И вскоре я уже общался с Володями, старшим и младшим. Они очень переживали, а вот о чём переживали, вы вряд ли догадаетесь. Воспроизведу кратко их реакции на происходящее; причём не столько на случившееся, сколько на спортивную перспективу.

Володя-старший:

– Ожоги? Ну да, ожоги! Из-за них, блин, я на первенство Союза пролетаю! Заживут ожоги! Я всё равно ходить буду! Но первенство Союза точно накрылось голубой панамой!

Володя-младший:

– Жалко, конечно. Сейчас набирают команду в Непал, на Эверест. На первое в истории советское восхождение. Я имел все шансы войти в команду. А теперь вот точно не войду: пока я тут валяюсь, утвердят списки, и пиши пропало...

Он не фантазировал насчет Эвереста. Годом раньше Володя был заявлен в основной состав на первенство СССР по альпинизму, а это значит, что его высоко оценили и как мастера, и как руководителя для любого альпинистского восхождения.

Несколько дней мужики пролежали в лагере: ждали вертолёт, чтобы избежать путевых страданий при езде по горным дорогам. Однако погода лететь не позволяла, решили всё же везти раненых грузовиком в Пятигорск. Несколько дней они провели в городской больнице, а затем полетели в Москву. На этом «молниеносная» эпопея далеко не закончилась; скорее, она только началась. Каких только обожжённых людей не возвращали к жизни и более-менее нормальной внешности в ожоговом центре, но таких, как наши, здесь раньше точно не встречали.

Перевязки, пересадки кожи, уколы, стоны, отвратный запах; всё болит, не повернуться. Самая трудная процедура – туалет, каждый раз мучительно. Раз пришёл журналист раскрутить Володю-старшего на интервью, а тот спит в полуобморочном состоянии. Врач говорит журналисту: «Какое интервью! Он, может, уже не жилец...» А Володя очнулся и отвечает: «Хрен вам не жилец! Через год вы меня совсем в другой форме увидите, на восхождениях!»

Не особо в это верилось, и сомневаться было в чём. Сначала ждали отторжения у Володей мёртвой кожи. Затем Володе-старшему запланировали восемь операций: со здоровых участков тела брали кожу и приживляли на обожжённые места. Да не просто «брали»: слой живой кожи требовалось снимать без нарушения волосяного покрова. И тут возникла совсем иная проблема. У Володи-старшего кожа смуглая, волос прямой, и операции проходили удачно, если в этой ситуации вообще можно так выразиться. Володя-младший – рыжий, курчавый, ему запланировали шесть операций, а сделали двенадцать! Почему? Потому что сложнее идут пересадки у рыжих и курчавых: приживляют кожу, а она не хочет...

Кололи обезболивающие наркотики, иначе бы они не выжили; каждый укол выдавался под роспись врача в специальной ведомости. Володя старший опять за своё: «Чего добро переводите, налейте лучше коньячку». Заведующая отделением в конце концов махнула рукой: «Да делайте что хотите!» И мы, друзья-посетители, понесли коньячок, который и старший, и младший Володя с удовольствием принимали.

Даже в такой ситуации ребята постоянно думали о спортивном будущем и упирались ради него не по-детски. Раз просит доктор одного из Володей поднять руку, чтобы проверить, как приросла кожа. Тот поднимает градусов на двадцать пять, а доктор говорит: «Ленишься, молодой человек». Володю это задело, и через три дня, на следующем осмотре, он сделал рукой прямой угол. И полетела вся пересадка, порвалась ткань, пришлось делать операцию заново. Остатки кожи от прежних операций хранились в холодильнике, достали их, прижили.

Разработку рук-ног, плечевого пояса ребята продолжали. В ванной, с криком, без свидетелей, пересиливая и ломая себя ежедневно.

Когда-никогда, а настал срок выписки. Собралась медкомиссия и решила всем пострадавшим дать вторую, нерабочую группу инвалидности. Оба Володи категорически отказались.

«Огромное спасибо! – сказал Володя-старший на выходе из больнички. – Мы вас не подведём. Мы вам, ять, покажем инвалидность!»

Благодарил врачей и Володя-младший. И тихо бормотал себе под нос: «Эх, ёклмн. Непал пролетел; Гималаи пролетели, Эверест накрылся, ёклмн...»

Через год оба Володи участвовали в первенстве Союза на Памире.

В следующей, другой, здоровой жизни мы вместе не раз ходили в баню. Любители парной бросали на раздевшихся Володей недоумевающие взгляды, и, не справившись с любопытством, кто-то спрашивал:

– Чем это вас, мужики? Пулей, бомбой, снарядом?

– Да так, трамвай неудачно останавливали...

Глава III Тенцзин

Курица – не птица, Монголия, как и Болгария, – не заграница, – так говорили в Советском Союзе те, кто стремился куда-то выезжать. Говорили, но и в Монголию поехать были не прочь. Правда, не для того чтобы посмотреть достопримечательности, как в случае с Францией, а с намерением поработать. А что? Платили в два-три раза больше, чем на аналогичных должностях в Союзе, но блага этим не исчерпывались. С одной стороны, со шмотками, техникой в Монголии слабовато, зато честно заработанные тугрики-рубли легко переводились в инвалютные чеки. Нынешнему молодому или даже средних лет россиянину стоит объяснить, что это такое.

В Москве существовали специальные магазины «Берёзка», где торговля производилась за валюту. А чеки – это валютный эквивалент: очень ценные «бумажки» разных цветов и с разными буквенными обозначениями, что подразумевало разные «веса», то есть покупательную способность. И товары в «Берёзках» – магазинах с затенёнными стеклами – бывали получше, чем в Монголии, не говоря уже о массовых магазинах родной страны.

Родитель мой, Министерства обороны полковник, съездил в Монголию в командировку. После чего я получил дубоватую кожаную куртку – оттуда, и шикарные финские туфли на высоком каблуке, которые тогда и у мужчин считались модными, – из московской «Берёзки».

Ну, ладно, будем считать это лирическим отступлением. Потому что история наша движется совсем в другом направлении. Географически, конечно, она устремлена именно сюда, в сторону Азии. А логически – нет, поскольку с бараклом почти не связана.

В конце 70-х в Монголию поехал мой друг Коля. В Москве он работал учителем русского языка и литературы, потом заместителем директора школы, а в Монголии сразу стал директором. Познакомился со страной, обустроился и, само собой, оброс нужными связями. Через некоторое время вполне созрел, чтобы пригласить меня в гости. С этой поездкой вообще не предвиделось проблем. Во-первых, приглашение от обитателя страны – не просто приятные слова, а важная и уважаемая инстанция бумага. Во-вторых, как я уже говорил, курица, то есть Монголия, – не бог весть какая заграница. В-третьих, важным довеском, своеобразным выездным портфолио выступала имевшаяся уже у меня за плечами Франция. Таким образом, собрался я – не по французскому варианту, а попроще и побыстрее – и полетел в Батор (так на разговорном языке называли столицу страны Улан-Батор), даже и без собеседований-инструкций, и без чекистов на хвосте.

Оно понятно: оттуда не слиняешь. Где, если что, политического убежища просить? В коммунистическом Китае? Уже смешно. В пустыне Гоби у кочевников-скотоводов? Ещё смешнее.

Поселили меня в гостинице, недалеко от советской школы, построенной из кирпича почти в центре города рядом со зданием монгольского государственного цирка. В ней учились в основном дети из зарубежных посольств и представительств – учителя называли их «дипломатами» – и отпрыски монгольских высокопоставленных граждан.

С «языковым барьером» в Баторе я почти не сталкивался: окружали меня как раз «дипломаты» – учителя, а также живущие рядом геологи, инженеры и рабочие разных специальностей из городов СССР, ну и военные. «Приближённые» к ним монголы хорошо изъяснялись по-русски. С не приближёнными было сложнее: весь столичный Батор опоясывали юрты, и тамошние обитатели вряд ли владели нашим родным языком, но в юрту мне пришлось заглянуть всего один раз.

Пару слов об этом эпизоде монгольского путешествия. С хозяевами национального монгольского жилища общались через переводчика. Интерьер юрты составляли печка-каamelёк

посередине, лежанки по бокам вдоль стен, ковёр и подушки на полу. Эта довольно опрятная юрта служила, как я понял, чем-то вроде экскурсионного объекта. Угощали нас жирным – молочным и мясным, а на aperitif, затем собственно под еду, а потом и на деджистив предложили противной молочной самогонки. Огонь в камельке тоже «кормили» – кусочками хлеба, даже спиртного плеснули – это происходило в рамках какого-то околорелигиозного обряда.

Я было потянулся к своей сумке, чтобы достать привезённую из Москвы бутылку водки, но сопровождающий зашипел: «Ты что, убери, они быстро с катушек слетают, могут чего-нибудь натворить, а нам потом отвечай».

Напротив гостиницы располагался «русский двор спецов», где проживали семьи советских командированных. Сходили мы и туда. Застали вполне оптимистичное и даже весёлое зрелище: один земляк-папа стругал из дерева для дворовых ребятишек ходули, другой ваял деревянные автоматы. На единственном велосипеде гонял по очереди весь двор, а чья-то мама варила на всех картошку с тушёной. Из открытых окон хрипел Высоцкий, заливались очень популярными тогда «АВВА» и «Вoney М».

Монгольские дворы были застроены беднее, качели и другие сооружения для детей оказывались в основном поломанными. Мне объяснили, что местные пацаны очень быстро ломали всё, что для них делалось. Философски настроенный Колин коллега по школе, учитель истории Александр объяснял это так: стихийная агрессия монгольских детей произрастает оттого, что свободные, степные монгольские земли, по которым они скакали на лошадях, залили в Баторе асфальтом, изуродовали металлом. Удобства подарили, да, но «дарители» не сильно разбирались в том, хотят ли такого, по нашим представлениям, комфорта местные жители, глубоко почитающие природу.

Шёл июнь, то и дело с неба падали обильные ливни, по городу разливались огромные лужи, где сразу оживали всякие букашки-таракашки. Советские дети, несмотря на «дипломатический» статус, снимали надетые на них заботливыми мамашами резиновые сапоги и с восторгом бегали босиком по тёплой воде. Монгольская детвора строила из досок плоты и плавала по улицам. Их мамы жарили в жиру борчики – что-то типа пончиков – и угощали и своих, и наших отпрысков.

По территории русского поселения протекал невзрачный ручеёк, названный монголами рекой Сэлбэ. Но после дождей ручей бурлил, взламывал узкое русло и затоплял весь центр. В это время женщины перемещались по Батору босиком и задрав юбки, в одной руке держа сумку, в другой – босоножки на высокой платформе.

Машин в городе замечалось мало, монголы обычно перевозили мебель и тяжёлые вещи на лошадиных повозках. Для русских ходил бесплатный автобус с советским шофёром: если мы передвигались на нём по делам, то дети порой после школы садились на задние сиденья и катались на автобусе до вечера «просто так». Пользоваться этим автобусом монголам запрещалось. Да и многое другое тоже: для аборигенов существовали проблемы с покупкой билетов на концерты артистов, изредка присылаемых «старшим братом» – СССР, или с заходом в советские магазины, где продавались более качественные продукты, или с получением талонов на страшнейший дефицит тех времен – румынские женские сапоги. Монголы конца 70-х, во всяком случае в Баторе, выглядели посторонними в своей же стране.

Что касается моей монгольской жизни, то в ней присутствовало, конечно, знакомство с историей, осмотр древностей, но в гораздо более мягкой форме по сравнению с Францией, где тебя постоянно строили и наставляли. А за пределами в общем-то добровольной экскурсионной программы проходили душевные пьянки с педагогическим коллективом Колиной школы, в свободное от учительской работы время, и братание с советскими же военными. Всё как обычно на любой территории, где работал СССРовский контингент, а к нему в гости приезжали люди с «большой земли».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.